

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-44-52>

EDN: <https://elibrary.ru/gqkwsz>

НИОН: 2003-0059-6/25-408

MOSURED: 77/27-004-2025-06-607

Цифровая трансформация как средство обеспечения противодействия коррупции в уголовном судопроизводстве

Ольга Владимировна Гладышева¹, Владимир Александрович Семенцов²

^{1,2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹ volkolup@yandex.ru

² crimpro@yandex.ru

Аннотация. Раасматривается вопрос трансформации всех сфер общественной жизни на основании внедрения цифровых технологий. И если применительно к отдельным сферам такая трансформация имеет целевой, предметно ориентированный характер, основывается на единых подходах, принципах и правилах, при наличии общих условий (когда осуществляется, например, управление имуществом, новыми бизнес-моделями), то применительно к другим областям выработка концепта трансформации встречает серьезные затруднения. Одним из таких проблемных направлений является уголовное судопроизводство, цифровая трансформация которого осложняется многими факторами, в числе которых необходимость оценки потенциала такой трансформации с позиции воздействия на коррупционные риски и купирования проявлений коррупции в уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, коррупция, противодействие, цифровая трансформация, цифровые технологии, искусственный интеллект

Для цитирования: Гладышева О. В., Семенцов В. А. Цифровая трансформация как средство обеспечения противодействия коррупции в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 44–52. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-44-52>. EDN: GQKWSZ.

Original article

Digital transformation as a means of ensuring anti-corruption in criminal proceedings

Olga V. Gladysheva¹, Vladimir A. Sementsov²

^{1,2} Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹ volkolup@yandex.ru

² crimpro@yandex.ru

Abstract. The issue of transforming all areas of public life through the introduction of digital technologies is being considered. While such transformation is targeted and subject-specific in certain areas, based on unified approaches, principles, and rules, and subject to common conditions (such as the management of property and new business models), it presents significant challenges in other areas. One of these problematic areas is criminal proceedings, the digital transformation of which is complicated by many factors, including the need to assess the potential of such transformation in terms of its impact on corruption risks and the suppression of corruption in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, corruption, counteraction, digital transformation, digital technologies, artificial intelligence

For citation: Gladysheva O. V., Sementsov V. A. Digital transformation as a means of ensuring anti-corruption in criminal proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):44–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-44-52>. EDN: GQKWSZ.

© Гладышева О. В., Семенцов В. А., 2025

Коррупция выступает системной проблемой, препятствуя эффективному развитию современного государства и общества. Масштаб ее распространения, уровни проявления, видовое разнообразие, в совокупности с правовыми проблемами преодоления коррупционных рисков, обуславливают низкую эффективность любых отраслевых мер противодействия коррупции, применяемых по отдельности, самостоятельно. Более эффективными представляются системные платформы, охватывающие несколько уровней, направлений и позволяющих масштабно аккумулировать информацию и проводить ее аналитику. В этом направлении именно развитие цифровых технологий позволяет выразить надежду на появление нового потенциально состоятельного в указанной сфере (противодействия коррупции) инструмента. И уже есть положительные примеры реализации соответствующих технологий.

Например, государственная информационная система «Посейдон», основное назначение которой — информационно-аналитическое обеспечение деятельности по профилактике коррупционных и иных правонарушений, в том числе для проведения с использованием IT-технологий анализа и проверок на соблюдение ограничений, запретов и требований. Система интегрирована с иными цифровыми платформами, содержащими данные, которые могут быть использованы для противодействия коррупции. О результативности информационной системы «Посейдон» имеются весьма положительные отклики в литературе [34].

В то же время, позитив от развития и использования цифровых технологий в сфере противодействия коррупции находится под сомнением в связи с высокими рисками использования цифровых же инструментов для осуществления преступных, включая коррупционные, намерений. А если учесть скорость приспособления отдельных цифровых технологий к противоправной деятельности, особую актуальность приобретает постановка и решение проблемы опережающих темпов развития именно тех цифровых средств, которые обеспечивают выявление, предотвращение и оперативное реагирование на противоправное, включая коррупционное, поведения.

В направлении масштабного совершенствования законодательной основы использования цифровых технологий в сфере противодействия коррупции принимаются федеральные законы, подзаконные нормативные правовые акты, правовые акты субъектов Российской Федерации. Цифровым средствам противодействия коррупции уделяется пристальное внимание на уровне развития ведомств, и признается, что в условиях формирования цифровой среды коррупционные проявления неминуемо будут смещаться в сферу информационных технологий. Предпринимаемые усилия способны в определенной степени сдерживать

рост коррупции, обеспечивая государственным процессам свойства инклюзивности, подотчетности и прозрачности [15].

Уголовное судопроизводство как часть государственной системы, призванной противодействовать преступности в целом, очевидно, должно интегрироваться в систему противодействия коррупции. Именно поэтому цифровая трансформация ставит новые задачи по оптимизации уголовного судопроизводства, с учетом эффективности принимаемых решений по противодействию коррупции.

О проявлениях коррупции, наличии соответствующих рисков в уголовном судопроизводстве имеются основательно разработанные позиции. Так, к числу коррупционных рисков относят:

- дискреционность решения о прекращении уголовного дела [16];
- личную заинтересованность лиц, правомочных возбуждать уголовные дела и вести предварительное расследование, а также судей при рассмотрении и разрешении уголовных дел, санкционировании применения мер уголовного принуждения, производства следственных действий и др. [27];
- диспозитивные нормы, позволяющие органу уголовного преследования самостоятельно принимать решения по поводу разглашения данных расследования [17];
- порядок подачи, рассмотрения сообщений о преступлениях и принятие по ним итоговых решений [29];
- возможность необоснованного возбуждения уголовного дела как способа рейдерских захватов, получения доступа к коммерческой и иной охраняемой законом тайне и др. [18, с. 206–215];
- недобросовестность представителей правоохранительных органов, которые на стадии возбуждения уголовного дела могут проявлять как излишнюю активность, так и пассивность [12].

Высокая степень коррупциогенности уголовно-процессуальных норм, связанных со стадией возбуждения уголовного дела, послужила основанием для утверждения об исключении этой стадии из системы уголовного судопроизводства [2, с. 10]. Дело в том, что именно на первоначальной стадии уголовного судопроизводства происходит укрытие сообщений о преступлениях от учета, что составляет один из факторов коррупционного поведения должностных лиц [22]. Наряду с этим имеют место: фальсификация доказательств [21], затягивание сроков проверки сообщения о преступлении и производства по уголовному делу [26], необоснованное применение мер процессуального принуждения [25] и др.

В связи с широким кругом разнообразных корруп-

ционных рисков в уголовном судопроизводстве и постоянно усиливающейся тенденцией внедрения цифровых технологий считаем закономерной постановку следующих вопросов:

1. Каким образом цифровые технологии могут воздействовать на уровень коррупционных правонарушений в уголовном судопроизводстве?

2. Как должно быть организовано уголовно-процессуальное законодательство, чтобы цифровая трансформация регулируемой этим законодательством деятельности обеспечивала эффективное противодействие коррупции?

Сразу отметим, что в современной науке уголовного процесса весьма активно идет обсуждение различных направлений его цифрового развития. Например, предлагается модель цифрового уголовно-процессуального кодекса, которому дается следующее определение: «нормативно-правовой акт, призванный регулировать уголовно-процессуальные отношения, возникающие в цифровой среде в связи с осуществлением уголовного преследования лиц, совершивших преступления, а также обеспечивать отправление правосудия, в том числе путем использования машинночитаемого юридического текста» [13, с. 68].

В числе цифровых технологий, которые уже применяются в уголовном судопроизводстве, укажем видео-, веб-конференции, электронный документооборот. Предлагаются к широкому внедрению электронные доказательства [1; 30].

На уровне широкого обсуждения находятся различные аспекты применения в уголовном судопроизводстве искусственного интеллекта [31; 32], что составляет содержание особенно активной научной дискуссии. Привлекает внимание следующее суждение: «чем больше люди используют искусственный интеллект, тем более вероятны разнообразные нарушения законов... Растущий уровень использования технологий искусственного интеллекта приводит к некоторым существенным проблемам в области законодательства» [35, с. 377]. Полагаем, что обе части высказывания весьма верно отражают диалектику развития цифровых технологий и не только в уголовном судопроизводстве.

О том, что коррупционные нарушения в уголовном судопроизводстве имеются, пишут и другие ученые [3, с. 55; 19]. Об этом же свидетельствует и практика, например, один из следователей, проводивших предварительное расследование, был осужден за факт подделки подписей, а весь личный состав следственного подразделения уволен по результатам служебных проверок, установивших коррупционные факты в их деятельности [14].

В современных исследованиях используется относительно новое понятие «цифровая трансформация», больше присущее характеристике процессов в экономической сфере [4] и государственном управлении

[28]. Цифровая трансформация рассматривается как фундаментальное переосмысление бизнес-модели и стратегии компании с использованием цифровых технологий в качестве ключевого драйвера изменений. С 1 января 2025 г. стартовал национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [20].

При этом в отдельных работах цифровизация рассматривается как синоним трансформации [7, с. 23; 11, с. 79]. В числе направлений цифровой трансформации предлагается использовать в качестве доказательств электронные источники информации [24]. Частью этой же трансформации рассматривается идея получения и сохранения традиционной аналоговой базы доказательств посредством электронных средств и способов [10, с. 277]. В этом же ряду отметим теорию электронного правосудия [23, с. 13].

Масштаб научных исследований в этой сфере впечатляет, что полностью согласуется с решениями, позиционирующими цифровую трансформацию как стратегическое направление государственного развития, когда, например, Распоряжение Правительства РФ от 16 марта 2024 г. № 637-р утверждены стратегические направления в области цифровой трансформации государственного управления. При этом есть смысл привести мнения Л. В. Головки, касающиеся оценки воздействия цифровых технологий на суть уголовного судопроизводства, который в своем исследовании отмечает неспособность цифровых средств привести к «уголовно-процессуальной революции» и заменить классический уголовный процесс каким-то «новым уголовным процессом» [9, с. 17].

Главной проблемой на пути цифровой трансформации определяется отсутствие единой программы, что обуславливает несистемное и фрагментарное внедрение отдельных цифровых средств в правоприменительную практику [6] и добавим — такое же фрагментарное законодательное регулирование. А учитывая, что именно законодательство является единственной основой для уголовного судопроизводства, то и преобразование должны, в первую очередь, происходить в нем.

Получается, что цифровая трансформация должна быть начата с создания необходимой законодательной основы. Сложность заключается в том, что без опыта применения цифровых средств в уголовном судопроизводстве нежелательно вносить изменения в уголовно-процессуальный закон, а без законодательного регулирования невозможна уголовно-процессуальная апробация цифровых средств. Этот порочный круг представляется необходимым разорвать путем разрешения на законодательном уровне проведения экспериментальных действий, тем более что опыт такого правового эксперимента имеется (например, таким способом внедрялся суд присяжных).

Соответственно цифровая трансформация уго-

ловного судопроизводства — это стратегически определенное, научно обоснованное, экспериментально апробированное программно-организованное системное преобразование законодательной модели уголовно-процессуальной формы, позволяющее использовать цифровые технологии в определенных законом сферах и установленных границах. Только при выполнении указанных условий и создании необходимой базы можно говорить о действительной цифровой трансформации уголовного судопроизводства.

Разбираясь с сущностью отдельных цифровых технологий, подчеркнем, что не все из них, в силу своеобразия, могут использоваться в уголовном судопроизводстве, помогая в преодолении коррупционных рисков. В числе потенциально полезных систем Д. М. Фарахiev указывает: 1) система блок-чейн во взаимодействии с системой Посейдон; 2) искусственный интеллект; 3) краудсорсинговые антикоррупционные платформы и др. [33].

Следует согласиться с высокой оценкой уголовно-процессуального потенциала указанных технологий. Развитие блок-чейн в сфере уголовной юстиции может принести пользу в части организации более высокого уровня взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства (например, между судами и органами досудебного производства).

Более смелым представляется предложение о применении блок-чейн в отношениях между государственными органами и частными лицами, вовлекаемыми в уголовное судопроизводство. Такого рода взаимодействие потенциально полезно в следующих направлениях: обмен информацией, включая уведомление о производстве следственных и иных процессуальных действий, о принятых процессуальных решениях, при заявлении ходатайств и жалоб, в случае представления документов, либо их направления для ознакомления и др.

Полагаем, что указанный формат цифрового взаимодействия в определенной степени повысит и прозрачность уголовного судопроизводства для его участников, что позволит снизить определенные коррупционные риски как на внешнем, так и во внутреннем контуре противодействия коррупции.

Краудсорсинговые платформы предположительно могут использоваться в уголовном судопроизводстве для противодействия процессуальной коррупции. Посредством этих платформ граждане могут сообщать о случаях вымогательства или иных коррупционных проявлениях через интернет или по телефону. При этом собственно платформа функционирует на основании технологии искусственного интеллекта, что позволяет отнести ее к соответствующей категории цифровых средств.

Особенно активно обсуждается потенциал искусственного интеллекта, в том числе, для противодействия коррупции. Есть мнение, что «необходимо

придерживаться смешанного подхода, в рамках которого использование искусственного интеллекта для перспективной борьбы с коррупцией в судебной и следственной деятельности возможно, но только под контролем человека и исключительно в качестве инструмента, но не самостоятельного «субъекта» со своим усмотрением. В качестве потенциальной возможности такого использования: создание сервиса по облегчению рассмотрения дел в особом порядке; внедрение искусственного интеллекта в сферы судебного делопроизводства и судебной статистики; анализ правоприменительной практики; прикладные вопросы следствия — моделирование события преступления, планирование и прогнозирование, экспертизы, выдвижение версий, определение путей их проверки» [5].

Не оспаривая, в целом, выдвинутую позицию, считаем, что в предлагаемых направлениях системы искусственного интеллекта не затрагивают наиболее распространенных коррупционных рисков, а, значит, обеспечивая повышение эффективности и определенную цифровую трансформацию уголовного судопроизводства, они не влияют на его коррупционную составляющую. Учитывая, что именно уголовно-процессуальная дискреция рассматривается как один из основных коррупционных факторов, то отказ от применения искусственного интеллекта в соответствующей сфере позволяет говорить об устранении такой технологии из этого сегмента противодействия коррупции.

И в этой части действительно есть весомые аргументы в пользу отказа от искусственного интеллекта в указанной сфере. Хотя не исключается рассмотрение и обсуждение иной точки зрения, например, когда судебское усмотрение может быть запрограммировано «для использования во благо судящегося человека, если будут заданы четкие пределы усмотрения и коэффициенты, когда робот-судья вправе применить свое милосердие, снисхождение» [8].

Исходя из современного уровня развития искусственного интеллекта и проявляемых в уголовном судопроизводстве коррупционных рисков, изложим собственную позицию.

Прежде всего, отметим, что искусственный интеллект и уголовное судопроизводство имеют сопоставимые характеристики. Программирование нейросетей представляет собой достаточно сложный, но все же алгоритмизированный, а значит формализованный, прозрачный процесс. Уголовное судопроизводство также является формализованной деятельностью, когда принятие многих процессуальных решений имеет свои алгоритмы, от выполнения которых зависит оценка их законности и обоснованности.

Считаем, что формализация — то общее начало, которое способно «примирить» цифровые технологии с уголовным судопроизводством, помочь ему приобрести необходимую цифровую форму, не утратив при

этом своего назначения и нравственной сути.

Формализация в современной науке уголовного процесса выступает остро критикуемой категорией. Однако анализ работ, их инновационность позволяет сделать вывод: ученые не предлагают тотальную деформализацию уголовного судопроизводства. В большинстве случаев ведется речь об упрощении алгоритмов, которые сегодня прописывает законодатель. Причина этой позиции в сложности («заформализованности») имеющихся процедур, что усиливает коррупционные риски: удлиняются сроки, укрываются преступления от учета, и др. Но то, что составляет сложность для следователя, дознавателя или суда, возможно, не будет сложным для искусственного интеллекта.

Например, внедрение отдельных модификаций искусственного интеллекта способно оказать поддержку следователю при производстве допроса (технология «компьютерное зрение» (Computer Vision, CV), работающее на основе искусственного интеллекта, позволяет быстро дать результаты анализа невербальной информации допрашиваемого, определить его эмоции и т. д.). Та же технология при обыске поможет снять часть нагрузки со следователя, вынужденного соблюдать не только процессуальные правила, но и разрабатывать, а затем и применять технические средства, тактические приемы. Осмотр места происшествия в сопровождении искусственного интеллекта обеспечивает концентрацию внимания следователя на ключевых объектах обстановки. При этом появляется реальная возможность качественной подготовки протоколов следственных действий.

Возможность принятия уголовно-процессуальных решений с применением технологии искусственного интеллекта вызывает особенно настороженное отношение теоретиков и практиков. Разделяя ряд опасений, тем не менее отметим, что он способен уже сейчас справиться с принятием целого ряда формализованных законодательством процессуальных решений, в том числе: признание потерпевшим, прекращение уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, перечисленным в ст. 24 УПК РФ; назначение судебной экспертизы (включая постановку вопросов) в случаях, указанных ст. 196 УПК РФ, и др. С помощью технологии блок-чейн, указанные решения могут быть доведены до сведения заинтересованных лиц в кратчайшие сроки, при соблюдении установленной процедуры (например, ознакомление участников с постановлением о назначении судебной экспертизы).

В то же время, поддерживаем недопустимость наделяния искусственного интеллекта правом принимать решения, основанные на усмотрении, дискреции, обусловленные невозможностью оцифровать нравственные ценности, играющие важную роль при принятии отдельных процессуальных решений (например, вынесение приговора), но считаем, что кате-

горичность в этом вопросе обусловлена некоторыми, как представляется, временными ситуациями. Достигнутый уровень развития искусственного интеллекта не позволяет этой технологии воспринимать такие категории и правильно, в уголовно-процессуальном контексте понимать содержание и значение законности, обоснованности, и тем более справедливости. Основываясь на многократных повторениях (Big Data), современные нейросети только подбирают повторяющиеся варианты, что исключает собственную генерацию авторских выводов и заключений. Но, как представляется, и эту границу искусственный интеллект рано или поздно сможет преодолеть.

Тем не менее, уже сегодня искусственный интеллект способен опосредованно влиять на то, что усмотрение, дискреция будут постепенно лишаться коррупционной составляющей. В этой сфере свою позитивную роль, полагаем, сыграет расширение познавательных возможностей следователя на основании потенциала искусственного интеллекта. Повышение уровня доступа к процессуально значимой информации, формирование новых доказательств для следователя, суда позволит обеспечить большую объективность в применении дискреции. Соответственно применение искусственного интеллекта даже только при сборе фактических данных способно позитивно повлиять на преодоление соответствующего коррупционного риска.

Другим антикоррупционным фактором предполагается правило о преодолении решения, принятого искусственным интеллектом. Уже сейчас существует система возложения штрафов за нарушения Правил дорожного движения, исходя из материалов и решений, принимаемых на их основании искусственной интеллектуальной системой. Такое решение исполняется только, если оштрафованный гражданин согласен с ним, а при несогласии — он вправе его обжаловать и окончательное решение принимается судом. При обжаловании все материалы проверяются уже без привлечения искусственного интеллекта, а затем принимается решение, возможно отличающееся от того, которое ранее было принято.

Можно возразить, что штраф за превышение скорости не идет в сравнение с приговором суда, влекущим гораздо более серьезные правовые последствия не для одного человека, а для весьма широкой группы людей, имеет резонанс в обществе, оказывает влияние на государственные процессы. С этим трудно не согласиться. Но и применение искусственного интеллекта в этом вопросе пока явно не планируется. Высказанная идея (о возможности принятия уголовно-процессуального решения и его последующего преодоления) является одним из многих возможных прогнозов в части цифровой трансформации уголовного судопроизводства и основывается на объективных закономерностях его развития.

Также считаем, что искусственный интеллект способен оказать положительное влияние на современные альтернативные договорные процедуры (процессуальные компромиссы). Развитие искусственного интеллекта в этой сфере представляется актуальным направлением, позволяющим не только формировать исчерпывающие варианты компромиссных решений, с учетом имеющегося нормативного регулирования и практики, но и исключает постороннее влияние на участников. Дело в том, искусственный интеллект объективно настроен в отношении всех участников, без субъективных «перекосов». При этом выбор решения из числа сформулированных искусственным интеллектом будет все же за самими участниками уголовно-процессуальных правоотношений.

Не менее значимо внедрение искусственного интеллекта в порядок подачи, рассмотрения сообщений о преступлениях и принятие по ним итоговых решений. На наш взгляд, эта сфера может быть существенно расширена, например, за счет включения в нее подачи жалоб в порядке ст. 124, 125 УПК РФ, где наблюдается достаточно широкая дискреция и имеются проблемы законодательного регулирования, а в отдельных сферах сохраняется высокий уровень правовой неопределенности. Эти факторы свидетельствуют о возможности проявления коррупционных рисков. Искусственный интеллект в этих направлениях уголовного судопроизводства может привлекаться для решения следующих задач: сбор первичных данных о заявителе, о событии, о лицах, располагающих сведениями о событии, обеспечивается формирование фабулы и др.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

Цифровая трансформация уголовного судопроизводства — закономерный, объективный и необходимый этап его современного развития. Высокотехнологичное уголовное судопроизводство должно быть создано путем масштабного, системного, целенаправленного внедрения доступных и потенциально возможных цифровых технологий и их использования для достижения его назначения на основании оптимизации законодательного регулирования. В настоящее время нет оснований утверждать, что в уголовном судопроизводстве происходит именно цифровая трансформация ввиду весьма осторожной политики законодателя в деле внедрения цифровых технологий.

Цифровая трансформация способна позитивно повлиять на преодоление коррупционных рисков в уголовном судопроизводстве в дух аспектах:

- путем усиления познавательной составляющей (использование цифровых технологий при сборе фактических данных), что положительно воздействует на формирование внутреннего убеждения, формирование усмотрения и использование дискреционных полномочий на более высоком и объективном уровне;
- посредством оптимизации процессуальных

алгоритмов и снижения непроизводительной нагрузки на органы досудебного и судебного производства (электронная коммуникация с участниками, поддержание блок-чейн общения, подбор имеющихся в уголовном деле оснований для принятия процессуальных решений, принятие формализованных процессуальных решений, сопровождающихся четкими процессуальными алгоритмами и др.).

Список источников

1. Андреева Ю. И. Электронные доказательства в уголовном процессе // Закон и право. 2025. № 8. С. 147–152.
2. Афанасьев А. Ю. Коррупционные риски доказательственного права в уголовном процессе (досудебное производство) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.
3. Афанасьев А. Ю. Усмотрение следователя как коррупционный фактор // Библиотека криминалиста. 2016. № 3 (26). С. 51–56.
4. Белякова Г. Я., Аврамчиков В. М. Современные подходы к цифровой трансформации экономики региона // Фундаментальные исследования. 2023. № 5. С. 71–75.
5. Бугаевская Н. В. Перспективы использования искусственного интеллекта как средства противодействия коррупции в деятельности органов предварительного расследования и суда // Вестник Югорского государственного университета. 2023. № 3. С. 63–70.
6. Воскобитова Л. А. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства и роли прокуратуры как организатора такой трансформации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1. С. 18–31.
7. Гадецкий В. Г., Корякина А. А. Особенности цифровизации на муниципальном уровне // Вестник Гжельского государственного университета. 2020. № 5. С. 23–30.
8. Глебов И. Н. Искусственный юридический разум // Сетевой научный юридический журнал «Гуманитарное право». 1 января 2018.
9. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе : локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
10. Дмитриева А. А., Пастухов П. С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of digital technologies and law. 2023. № 1 (1). С. 270–295.
11. Загребин В. В., Серова Е. А. Процесс цифровизации в условиях глобальной неопределенности / В кн.: Возможности и угрозы цифрового общества. Ярославль : Цифровая типография, 2020. С. 79–84.

12. Зайцев О. А. Процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 108–126.
13. Зуев С. В., Зазулин А. Н. Цифровой УПК : новая концепция развития права // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 67–77.
14. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 7 марта 2023 г. по делу № 77-30 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Курочкин А. В., Кулакова Т. А., Коверзнева С. А. Антикоррупционный потенциал инструментов «цифровой экономики» : политико-управленческий анализ // Креативная экономика. 2019. № 12. С. 2349–2360.
16. Кучеров Г. Н. Дискреционная модель правового регулирования прекращения уголовного дела и уголовного преследования : pro et contra // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 214–222.
17. Лаврушко Е. А. Обеспечение конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни в уголовном процессе : сравнительно-правовой анализ на примере Российской Федерации и Республики Казахстан // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 10. С. 149–156.
18. Макарова О. В. Специфика возбуждения уголовного дела о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности / В кн.: Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): науч.-практ. пособие. М., 2020.
19. Мичурина О. В. Коррупционные аспекты нарушений уголовно-процессуальных норм государственными органами и должностными лицами, осуществляющими досудебное производство по уголовному делу // Право: история и современность. 2019. № 2. С. 112–117.
20. Панарина М. М. Цифровой комплаенс как эффективный способ минимизации информационных рисков // Журнал российского права. 2025. № 1. С. 141–154.
21. Приговор Кызылского городского суда Республики Тыва от 20 декабря 2024 г. по делу № 1-336/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Приговор Шебалинского районного суда Республики Алтай от 2 апреля 2025 г. по делу № 1-9/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
23. Рагимов И. М.-оглы, Аликиперов Х. Д.-оглы «Электронные весы правосудия» (цели, возможности, преимущества) // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 8–14.
24. Рамалданов Х. Х. Цифровые доказательства, полученные путем использования систем видеоконференц-связи // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 124–131.
25. Решение Верхнепышминского городского суда Свердловской области от 23 июля 2024 г. по делу № 2-1258/2024// СПС «КонсультантПлюс».
26. Решение Московского городского суда от 17 октября 2025 г. по делу № 3а-2794/2025// СПС «КонсультантПлюс».
27. Россинский С. Б., Рябцева Е. В. Предупреждение коррупционных рисков в уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 5. С. 629–637.
28. Рязанцева М. В. Цифровая трансформация государственного управления // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 11. С. 6951–6962.
29. Семенцов В. А. Коррупционные риски и нарушения закона в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2024. Ч. 2. С. 170–180.
30. Семенцов В. А., Глимеда В. В. Особенности использования технических средств и технологии при производстве следственных действий : монография. М., 2025.
31. Складенко М. В. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве : использование новейших компьютерных разработок в апелляции и кассации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 190–102.
32. Сушина Т. Е., Собенин А. А. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2020. № 6. С. 21–25.
33. Фарахiev Д. М. Государственная информационная система «Посейдон» : современный взгляд на противодействие коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 250–254.
34. Чукин Д. С., Маллаалиев И. Р. Посейдон : как бог морей поможет бороться с коррупцией // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 3 (8). С. 116–121.
35. Čerka P., Grigienė J., Sirbikytė G. Liability for damages caused by artificial intelligence // Computer law security review. 2015. № 31 (3). P. 376–389.

References

1. Andreeva Yu. I. Electronic evidence in criminal

- proceedings // Law and pravo. 2025. № 8. P. 147–152.
2. Afanasyev A. Y. Corruption risks of evidentiary law in criminal proceedings (pre-trial proceedings) : abstract of the dissertation ... candidate of Legal Sciences. N. Novgorod, 2016.
 3. Afanasyev A. Y. Discretion of the investigator as a corruption factor // Library of criminalist. 2016. № 3 (26). P. 51–56.
 4. Belyakova G. Ya., Avramchikov V. M. Modern approaches to the digital transformation of the region's economy // Fundamental Research. 2023. № 5. P. 71–75.
 5. Bugaevskaya N. V. Prospects of using artificial intelligence as a means of countering corruption in the activities of pre-trial investigation and judicial authorities // Bulletin of the Ugra State University. 2023. № 3. P. 63–70.
 6. Voskobitova L. A. Digital transformation of the Russian criminal justice system and the role of the prosecutors office as the organizer of such a transformation // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2024. № 1. P. 18–31.
 7. Gadetsky V. G., Koryakina A. A. Features of digitalization at the municipal level // Bulletin of the Gzhel State University. 2020. № 5. P. 23–30.
 8. Glebov I. N. Artificial legal mind // Online scientific law journal «Humanitarian Law». January 1, 2018.
 9. Golovko L. V. Digitalization in criminal proceedings : local digitalization or global revolution? // Bulletin of Economic Security. 2019. № 1. P. 15–25.
 10. Dmitrieva A. A., Pastukhov P. S. The concept of electronic evidence in criminal proceedings // Journal of digital technologies and law. 2023. № 1 (1). P. 270–295.
 11. Zagrebin V. V., Serova E. A. The process of digitalization in conditions of global uncertainty / In: Opportunities and Threats of the digital Society. Yaroslavl : Digital Printing House, 2020. P. 79–84.
 12. Zaitsev O. A. Procedural guarantees of ensuring the rights and legitimate interests of entrepreneurs in criminal proceedings // Journal of Russian Law. 2021. № 10. P. 108–126.
 13. Zuev S. V., Zazulin A. N. Digital Criminal Procedure Code : a new concept of legal development // Law and order: history, theory, practice. 2024. № 1 (40). P. 67–77.
 14. Cassation ruling of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction dated March 7, 2023 in case № 77-30 // LRS «ConsultantPlus».
 15. Kurochkin A. V., Kulakova T. A., Koverzneva S. A. The anti-corruption potential of digital economy tools : a political and managerial analysis // Creative Economics. 2019. № 12. P. 2349–2360.
 16. Kucherov G. N. A discretionary model of legal regulation of the termination of criminal proceedings and criminal prosecution : pro et contra // Actual problems of Russian law. 2020. № 11. P. 214–222.
 17. Lavrushko E. A. Ensuring confidentiality and inviolability of private life in criminal proceedings : comparative legal analysis on the example of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan // Actual problems of Russian law. 2024. № 10. P. 149–156.
 18. Makarova O. V. Specifics of the initiation of criminal proceedings on crimes committed in the field of entrepreneurial activity / In: Criminal Law and Economic activity (correlation of private and public interests) : scientific and practical manual. M., 2020.
 19. Michurina O. V. Corruption aspects of violations of criminal procedure norms by state bodies and officials conducting pre-trial proceedings in a criminal case // Law: history and modernity. 2019. № 2. P. 112–117.
 20. Panarina M. M. Digital compliance as an effective way to minimize information risks // Journal of Russian Law. 2025. № 1. P. 141–154.
 21. Verdict of the Kyzylsky City Court of the Republic of Tyva dated December 20, 2024 in case № 1-336/2024 // LRS «ConsultantPlus».
 22. Verdict of the Shebalinsky District Court of the Altai Republic dated April 2, 2025 in case № 1-9/2025 // LRS «ConsultantPlus».
 23. Ragimov I. M.-ogly, Alikperov H. D.-ogly «Electronic scales of justice» (goals, opportunities, advantages) // Criminal proceedings. 2019. № 3. P. 8–14.
 24. Ramaldanov H. H. Digital evidence obtained by using video conferencing systems // Actual problems of Russian law. 2022. № 11. P. 124–131.
 25. Decision of the Verkhnepyshminsky City Court of the Sverdlovsk region dated July 23, 2024 in case № 2-1258/2024// LRS «ConsultantPlus».
 26. Decision of the Moscow City Court of October 17, 2025 in case № 3a-2794/2025// LRS «ConsultantPlus».
 27. Rossinsky S. B., Ryabtseva E. V. Prevention of corruption risks in criminal proceedings // All-Russian Journal of Criminology. 2022. Vol. 16. № 5. P. 629–637.
 28. Ryazantseva M. V. Digital transformation of public administration // Economics, entrepreneurship and law. 2024. Vol. 14. № 11. P. 6951–6962.
 29. Sementsov V. A. Corruption risks and violations of the law at the stage of criminal proceedings // Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedure

- and anti-corruption activities: proceedings of the International Scientific and Practical Conference: in 2 hours Krasnodar : Kuban State University, 2024. Part 2. P. 170–180.
30. Sementsov V. A., Glimeida V. V. Features of the use of technical means and technology in the production of investigative actions: monograph. M., 2025.
31. Sklyarenko M. V. Artificial intelligence in criminal proceedings: the use of the latest computer developments in appeal and prosecution // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3. P. 190–102.
32. Sushina T. E., Sobenin A. A. Prospects and risks of using artificial intelligence in criminal proceedings // Russian Investigator. 2020. № 6. P. 21–25.
33. Farakhiev D. M. The Posey-don State information system : a modern view on combating corruption // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1. P. 250–254.
34. Chukin D. S., Mallaaliev I. R. Poseidon : how the god of the seas will help fight corruption // Proceedings of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops. 2022. № 3 (8). P. 116–121.
35. Čerka P., Grigienė J., Sirbikytė G. Liability for damages caused by artificial intelligence // Computer law security review. 2015. № 31 (3). P. 376–389.

Информация об авторах

О. В. Гладышева — заведующая кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани;

В. А. Семенов — профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани.

Information about the authors

O. V. Gladysheva — Head of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the Kuban State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Kuban;

V. A. Sementsov — Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the Kuban State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Kuban.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 01.12.2025.

The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 01.12.2025.